

Татарстанское отделение
Российского философского общества
Институт экономики, управления и права (г.Казань)

О.Д. Агапов

ОЧЕРКИ СИНЕРГИЙНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Казань
«Познание»
2008

УДК 1
ББК 87.6
А23

*Печатается по решению Ученого совета и редакционно-издательского совета
Института экономики, управления и права (г. Казань)*

Редакционная коллегия: *ректор Института экономики, управления и права (г. Казань), проф. В.Г. Тимирясов;
канд. филос. наук, доц. Л.Ф. Гайнуллина*

Рецензенты: *д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Гасилин;
канд. филос. наук, доц. А.Е. Смирнов;
канд. филос. наук, доц. С.Ф. Туктамышева*

Агапов, О.Д.

А23 Очерки синергийной социальной философии / О.Д. Агапов. – Казань: Познание, 2008. – 140 с.
ISBN 978-5-8399-0236-7

Тема предметного самоопределения социальной философии выступает одной из основных в рамках формирования современной социальной теории. В предлагаемой вашему вниманию монографии рассматриваются условия и контуры синергийной социальной философии.

В центре внимания синергийной социальной философии – бытие человеческого рода, стяжающего и преобразующего в своем развитии многообразные импульсы сущего. Обращение к концепту «синергия» в социально-философском ключе позволяет автору раскрыть динамику становления социальных институтов и социально-антропологических практик бытия человеческого рода. Особое внимание уделяется вопросу преобразования личности, формам воплощения и пребывания человека в социокультурной реальности.

Работа представляет интерес для всех, кто интересуется проблемами конституирования социально-гуманитарных дисциплин и может быть рекомендована научным и педагогическим работникам, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей.

ISBN 978-5-8399-0236-7

УДК 1
ББК 87.6

© Агапов О.Д., 2008
© Институт экономики, управления и права (г. Казань), 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические условия исследования интерпретации в контексте социальной философии	17
§ 1.1. Предметное самоопределение социальной философии.....	17
§ 1.2. Коммуникационно-семиотическая революция современности и конституирование интерпретационного подхода в социальной философии	30
§ 1.3. Социальная философия между синергийным и синергетическим дискурсом.	47
Глава 2. Контуры динамики человеческого бытия: от преобразования к пребыванию.	59
§ 2.1. «Превращенная форма» как предмет интерпретации и формирования коммуникативно-семиотической реальности	59
§ 2.2. От преобразования к преображению	77
§ 2.3. Претворение как проблема и задача человеческого бытия	92
§ 2.4. Пребытие как свершение – проблема энтелехии.	103
Заключение	118
Библиографический список.....	124

ВВЕДЕНИЕ

Постмодерн завершен. Завершенность постмодерна означает то, что импульс, давший начало этому движению, исчерпал себя, закруглил. Постмодерн стал историей, история вернулась домой. Прошрое, настоящее и будущее сошлись в точке современности, в точке трансдукции (В.С. Библер). Постмодерн, отрицавший каноны, сам стал классикой, нормой. Имена Р. Барта, Ж. Батая, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, У. Эко, Ю. Кристевой, М. Фуко и др. звучат для современных студентов почти так же, как имена Фалеса, Гераклита, Парменида, Платона и Аристотеля. «Новая левая» стала респектабельной.

Констатируя завершение постмодерна – мы не говорим о его смерти. Завершение – это уход за вершину или некую отметку, ранее выступавшую целью. Завершение означает открытость для новой трансценденции и возможность оглянуться и осознать, что было проделано. Оценить весь спектр путей и мыслительных практик, наработанных за последние полвека «забытья» в зоне с приставкой «пост». Понятие «забытье/забытие» неслучайно, не оговорка и не описка, это симптом. Бытие оказалось забытым в постструктуралистских играх, а вместе с забвением бытия забылся и человек, этот «пастух» бытия. Завершение культурной формы означает переход ее на уровень классики (Мих. Лившиц). Революция закончилась. Пора созидать и, следовательно, волишь к смыслу. Волишь к тому, что было главной мишенью критики в формате постмодернистского дискурса.

В свое время Ф. Ницше утверждал волю к власти, а до него певцом мировой воли выступал А. Шопенгауэр. Апологетом воли к знанию (а через нее к могуществу, силе, власти) стал на заре Нового времени Ф. Бэкон. Мы же говорим о воле к смыслу, смыслу как состоянию пребывания, как процессу, в рамках которого совершается онтолого-антропологический переход.

Постмодерн провозгласил смерть субъекта – субъекта новоевропейского дискурса. Постмодерн – смерть Бога – разумеется, но с одной оговоркой, что это смерть бога Реформации (бога М. Лютера, Ж. Кальвина). Постмодерн – смерть рациональности – конечно, но новоевропейского типа. В целом, как видим, постмодерн подводит черту новоевропейской социально-антропологической практике. Подведение итогов, обрушение ценностей не ново в историческом бытии человеческого рода.

Иными словами, постмодерн есть смерть модерна как идеи, стиля мышления, способа организации и претворения родовых сил человека. Постмодерн стал завершением модерна, возвращением модерна в лоно традиции. Постмодерн стал символом синтеза модерна и традиции (Ф.И. Гиренок и его археоавангард). Модерн существовал как антитеза традиции, причем линии баррикад проходили в разных сферах культуры, обозначались бинарными оппозициями. Классическая и неклассическая наука, искусство. Однако здесь надо помнить, что и модерн был своего рода синтезом – моментом, состоянием синергии собственно традиции и палеоформ. И здесь уместно вспомнить К. Ясперса с его концепцией «осевого времени», а также культурологов-традиционалистов Р. Генона, Ю. Эволу, М. Элиаде, К.Г. Юнга, Б.Ф. Поршнева, указывающих на то, что классика традиционных обществ – это результат трансформации праформ. Итак, история человеческого рода есть история трансгрессии, перманентной трансценденции, устремленной в неведомое нечто (утопия). Это постоянная череда ситуаций «пост». Человек устанавливается в событиях, и события устанавливают его.

Известный отечественный философ Г.Л. Тульчинский основным атрибутом постмодернистской чувственности считает *безответственность* – «отказ от личностной (в том числе и авторской позиции), от ответственности, от вменяемого слова, слова как поступка»¹. Логика этого отказа от действительности «защита», на наш взгляд, в социально-исторической действительности 60-70-х гг. XX вв., когда концептуально оформляется тенденция постмодерна. Логика *ухода* от действительности не в последнюю очередь связана с позицией всей «левой» западной интеллектуальной элиты, осознавшей себя в проигрыше буржуазному духу, буржуазии как таковой. «Кавалерийская атака» на капитал не удалась. СССР после 1956 г. перестал быть каноном, идеология и практика троцкизма и маоизма стала показывать себя как терроризм, несущий не освобождение, а угрозу нового тоталитаризма.

Интеллектуалы Франции, Германии, Италии обескуражены и уходят в виртуальные миры, миры текстов. По мнению ряда исследователей (Ю.Н. Давыдов, А. Панарин, Г.Л. Тульчинский), осуществивших социально-философский анализ взглядов мыслителей постмодернис-

¹ Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности / Г.Л. Тульчинский. – М., 2002. – С. 30.